

АМИНА ВОЛКОВА

Измена мужа.
**ТЫ ВЫГНАЛ МЕНЯ
РАДИ БЕРЕМЕННОЙ
ЛЮБОВНИЦЫ!**

Амина Волкова

**Измена мужа. Ты выгнал меня
ради беременной любовницы!**

«Автор»

2026

Волкова А.

Измена мужа. Ты выгнал меня ради беременной любовницы! /

А. Волкова — «Автор», 2026

После десяти лет брака муж объявил, что его любовница беременна двойней. — Уходи, Алина. Дом и дочь останутся со мной! Меня выставили под холодный дождь почти без одежды. Пока я пыталась увидеть семилетнюю Машу, Игорь переписывал семейный бизнес, готовил долги на моё имя и собирал доказательства моей «невменяемости». Но он не учёл флешку с разработками покойного отца. Виктор Громов, опасный враг мужа, предлагает помощь. Взамен ему нужны документы, способные разрушить империю Игоря. Я соглашусь на эту войну. Только кто защитит меня от самого Виктора? И сумею ли я вернуть любимую дочь, не потеряв себя и право снова любить после стольких предательств?

© Волкова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Амина Волкова

Измена мужа. Ты выгнал меня ради беременной любовницы!

Глава 1

От Игоря пахло знакомым одеколоном. Я всегда узнавала этот запах у двери, ещё до того, как он входил. Сегодня хотелось отступить. Я стояла у изголовья кровати, сжимая в потных ладонях покрывало, пока Игорь бросал на белоснежные подушки толстую картонную папку. Папка раскрылась; сверху лежал лист с местом для моей подписи. Рядом с бумагами звякнули ключи — два блестящих кусочка металла на тонкой цепочке.

— Подпиши до утра, — сказал он. Голос ровный, деловой, будто мы обсуждали квартальный отчет, а не распад моей жизни. — Твоя доля в компании — это долги. Ты их не потянешь. Или ты подписываешь отказное, или я втяну тебя в суд так, что ты будешь продавать почки, чтобы покрыть убытки «Сорокин Холдинга».

Я прыснула, как на дурную шутку, и тут же закашлялась. Игорь даже не улыбнулся. На кровати между нами лежала настоящая папка, настоящие ключи; он ждал, когда я возьму ручку. Так не бывает. Ещё за ужином он спрашивал, когда придет мастер чинить посудомойку.

— Игорь, хватит пугать меня, — прошептала я и потянулась к его руке. Хотелось, чтобы он хоть на секунду снова стал моим мужем: сжал пальцы, усмехнулся, сказал, что перегнул. — Маша спит за стеной. Давай обсудим утром. Не здесь.

Он отступил. Не резко, а плавно, словно избегая прикосновения чего-то грязного. Он даже убрал руку за спину. Как будто я могла испачкать его одним прикосновением.

— Обсуждать нечего. Это ключи от квартиры Дарьи. Она беременна двойней, Алина. Ей нужна безопасность. Тебе же нужна свобода от иллюзий.

Дарья. Я несколько секунд повторяла имя про себя, пытаюсь соединить его с тем, что слышала. Его ассистентка приносила мне кофе, присылала напоминания о днях рождения сотрудников. Я ещё просила Игоря поднять ей зарплату. «Такая исполнительная девочка». Двойня. Вот почему она в последнее время носила эти широкие платья.

— Десять лет, — голос сорвался на визг. Я схватилась за край тумбочки, пальцы побелели. — Мы строили этот бизнес вместе! Мой отец...

— Твой отец был гением, но слабаком, — перебил он сухо. — А ты была его тенью. Теперь тени нет. Есть только долг.

Он щелкнул выключателем. Свет в спальне погас, оставив нас в темноте, где слышалось только мое учащенное дыхание и шелест его рубашки, когда он повернулся спиной.

— Иди спать, Алина. Утро вечера мудренее.

Я не легла. Меня трясло так, что зубы стучали. В голове билась одна мысль: позвонить. Подруге. Адвокату. Любой живой душе, которая подтвердит, что я не сошла с ума. Я метнулась к двери спальни, пытаюсь проскользнуть мимо него в коридор.

Он встал в дверях. Пришлось остановиться: мимо его плеча я бы не протиснулась, не задев его. Одеколон был всё тот же, которым ещё вчера пахла моя подушка. Я посмотрела на ручку у него за спиной. До неё — полшага.

— Если ты сейчас выйдешь и начнешь истерику, я вызову полицию, — произнес он тихо, почти интимно. — Заявление о домашнем насилии. Фото синяков, которые я сам могу сделать за пять минут. Ты хочешь этого? Перед всеми друзьями? Перед судом?

Он заранее знал, что скажет полиции. А я ещё думала, как бы объяснить ему, что больно. Я втянула воздух через нос и разжала кулак: только не ударить. Именно этого он сейчас и добивался.

— Ты не посмеешь, — прошептала я, чувствуя, как колени подгибаются.

— Посмотрим, кто быстрее потеряет контроль, — усмехнулся он в темноту. — Вернись в постель. Или оставайся здесь всю ночь. Но бумаги должны быть подписаны.

Из спальни я так и не вышла. Села на пол у двери и прислушивалась к каждому шороху из детской. Маша могла проснуться и позвать меня — как всегда, если одеяло сползало. Что я тогда скажу? За дверью Игорь говорил кому-то по телефону о моём «неадекватном состоянии». Я прижалась ухом к щели, но разобрала только своё имя.

Утром полоска света легла на пол рядом с моей ногой. Затёкшее колено не сразу согнулось. Я поднялась, придерживаясь за кровать, и подошла к шкафу. Телефон, паспорт, тёплая одежда. Думать дальше этого перечня пока не получалось.

Я распахнула дверцы гардероба. Пустота.

Полки были голыми. Никаких платьев, никаких сумок, ни одного ювелирного изделия. Только пустые вешалки и серые коробки из-под обуви.

— Где мои вещи? — обернулась я к Игорю, который сидел в кресле с планшетом, даже не подняв глаз.

— Всё твоё имущество теперь принадлежит компании, — ответил он механически. — Ты можешь взять только то, что куплено на личные средства. Таковых нет. Ты же знаешь, весь бюджет вел я.

Он провёл рукой вдоль полок, словно показывал мне отлично выполненный заказ. Я помнила, где стояла красная сумка, где лежал Машин запасной шарф. Две нижние полки опустели тоже. Чеки на мои вещи хранились в его папке — он теперь рассчитывал, что без них я не посмею даже забрать свитер.

На крючке у двери остался мой старый халат. Я сунула руку под отставшую подкладку: флешка была там. Отец когда-то попросил сохранить чертежи, и я спрятала их подальше от Маши, которая обожала разбирать всё похожее на брелоки. Потом забыла. Теперь держала в пальцах металлический корпус и боялась выдать себя облегчённым выдохом.

Я вытащила руку из кармана, не разжимая пальцев. Игорь заметил мой жест. Его глаза сузились.

— Что у тебя там?

Он подошёл, пока я всё ещё смотрела на карман. Выхватил с тумбочки сумку, к которой я потянулась второй рукой, и высыпал её на ковёр. Телефон стукнулся о ножку кровати. Следом — помада, квитанция из химчистки, Машина заколка. Флешку я не выпустила.

— Пароль? — спросил он, глядя на экран блокировки.

— Не дам, — прошипела я.

— Значит, ты не сможешь никому написать. Никому позвонить. Ни адвокату, ни подруге, ни матери.

Телефон он подобрал и убрал обратно в сумку. Её тоже забрал, перекинул ремень через спинку кресла за собой. Я не шевельнулась. Ребро флешки давило в ладонь, но пока он не смотрел на мой кулак, можно было потерпеть.

— Иди собирайся, Алина, — сказал он, указывая на дверь. — Охрана внизу. Они помогут тебе донести вещи.

— Мои вещи? — я засмеялась горько, показывая на пустой шкаф. — У меня нет вещей!

— Тогда просто уходи. Ты мешаешь жить людям.

Я выбежала в коридор, пытаясь найти хоть какую-то мелочь, которая докажет, что я здесь жила. Книги. Мои книги по логистике, стопка журналов. Паспорт и свидетельство о браке нашлись в ящике прихожей; я сунула их в пакет вместе с носками. Книги уже не влезали.

— Это незаконно! — крикнула я, загораживая собой вход в детскую. — Ты не можешь выставить меня вот так!

Игорь не стал спорить. Он просто нажал кнопку на интеркоме.

— Выпроводите госпожу Сорокину. Она истеричка, ей нужна помощь.

Охранники вошли без звонка. Те самые двое, которые всегда придерживали для меня дверь внизу. Один взял за локоть, второй обхватил талию. Я пыталась упереться ногами, но тапочки заскользили по паркету. Они смотрели мимо меня — будто я уже не могла спросить у них, что они делают.

— Отпустите! — я попыталась вырваться, но хватка была железной. — Маша! Маша, проснись!

Голос дочери не долетел. За дверью детской стояла тишина. Или они уже увезли её?

Они вынесли меня в лифт, затем через холл к входной двери. Игорь шёл следом. Когда один из охранников оглянулся, он кивнул: продолжайте.

— Ты пожалеешь, — прохрипела я, когда охранники вытолкали меня на улицу.

— Нет, — ответил он, и его лицо исказилось едва заметной гримасой удовлетворения. — Пожалеешь ты.

Дверь подъезда закрылась перед моим носом. Щёлкнул замок. Теперь даже подняться за курткой я не могла.

Я стояла на мокром асфальте. Ночная рубашка промокла насквозь, холодные капли стекали за воротник, проникая под кожу. На ногах были дешёвые тапочки, которые разваливались после первого шага по лужам. В руках — пластиковый пакет с документами и носками. Перед выходом охранник сунул туда мой телефон: Игорь всё-таки не захотел оставлять у себя чужой аппарат. Флешка была зажата в кулаке. На плечах — старый халат, уже насквозь мокрый.

Дождь усилился. Ливень смыл с меня остатки тепла. Я посмотрела вверх, на окна нашей квартиры на пятом этаже. Свет горел ярко.

У окна показалась Дарья. Я узнала её, прежде чем она повернулась ко мне. Она придерживала живот и улыбалась. Даже не отошла, заметив меня внизу. Я смотрела, пока в комнате не выключили свет. Почему-то подумала о чашке в посудомойке: моя, с отбитой ручкой. Наверняка тоже выбросят.

Он не собирался расходиться со мной и потом делить имущество. Всё уже вывезли, охрана получила распоряжения, Дарья стояла в моей спальне. Для меня оставили одно место — внизу, под дождём. И лист, который я должна была подписать.

Я присела на корточки, не удержалась и опустила колени в лужу. Пакет лёг на мокрый асфальт; я тут же подхватила его, проверила, не залило ли паспорт. Потом снова села. Никому звонить. Никуда идти. Сейчас я бы согласилась даже на то, чтобы Игорь просто открыл дверь и дал мне сухую куртку.

Но вдруг внутри наступила тишина.

Я всё ещё держала флешку. Отпечаток её ребра остался на ладони. Они вынесли меня из дома, но эти чертежи со мной. И я не подписала ни одного листа.

Пришлось встать: документы мокли даже сквозь пакет. Я вытерла лицо рукавом халата и ещё раз посмотрела на пятый этаж. Машина комната — второе окно справа. Там шевельнулась занавеска. Я ждала, но дочь к стеклу не подошла.

Я достала телефон из пакета. Он мигнул предупреждением о низком заряде. Экран засветился резким белым светом.

Входящий вызов. Номер показался знакомым.

Под номером высветилось «Виктор Г.». Старый контакт отца — я перенесла его вместе с остальными, но никогда не звонила.

На экране тянулся звонок. Контакт отца — значит, хотя бы не случайный человек. Я вспомнила, как Игорь велел мне молчать и никуда не звонить, и крепче сжала телефон, чтобы он не выскользнул из мокрой ладони.

Я нажала зелёную кнопку и поднесла телефон к уху.

— Алина? Виктор Громов. Мне сообщили, что случилось. Не подписывай ничего. Я подъеду.

Заряда хватило только на эти слова. Соседка с третьего этажа, выходявшая из подъезда, узнала меня и остановилась. Я попросила пустить меня согреться. Утром я вернусь за Машей — пусть снова гонят.

Глава 2

Утром я снова вошла в лобби «Скай-Резиденс». За ночь запястья опухли; я спрятала их в рукава, чтобы администратор сперва услышал просьбу, а не увидел синяки. Прикушенная вчера губа снова кровила.

Соседкин костюм пришлось подвязать изнутри булавкой. Пока шла до ресепшена, я два раза проверила, держится ли юбка. Жакет был велик, туфли давили, зато на меня хотя бы не обернулись сразу у двери. В ночной рубашке я бы не дошла до стойки.

— Маша там? — спросила я. Голос сорвался, превратившись в хрип. — Мне нужно просто забрать её куртку. Она замерзнет. На улице ледяной дождь.

Администратор, молодой парень с идеально уложенными волосами и скучающим взглядом, даже не поднял глаз от планшета. — Сорокина Алина? — Да. Я её мать. — Проходите мимо. Вы в черном списке.

Я переспросила, решив, что он не узнал меня без макияжа. Три года я проходила здесь с Машей: она всегда здоровалась с администратором и показывала ему новую игрушку. Он видел, чья я мать.

Администратор оглянулся на камеры и нажал кнопку под стойкой. Я ещё тянулась к его планшету, чтобы показать фамилию, когда он уже говорил: — Охрана. Объект на ресепшене. Бывшая жена господина Сорокина. Истерика.

Истерика. Слово резануло острее ножа.

Через десять секунд двое здоровенных мужчин в черных пиджаках материализовались из ниоткуда. Они не спрашивали. Они просто взяли меня за плечи, отрывая от пола. — Отпустите! — заорала я, пытаюсь вырваться. Каблук моей туфли сломался, когда охранник толкнул меня к стене. Я стянула сломанную туфлю; каблук второй царапал мрамор, пока меня тащили. — Мне нужно увидеть дочь! Она плачет, она одна там, без мамы!

— Тише, женщина, тише, — буркнул один из них, прижимая меня к стойке так, что ребра хрустнули.

Из лифтов вышли жильцы. Знакомая в бежевом пальто остановилась первой — мы вместе заказывали украшения для новогоднего праздника. Я попыталась встретиться с ней взглядом. Она прижала сумочку к себе, потом подняла телефон. На меня направили ещё один смартфон. Я убрала волосы с лица и увидела на пальцах кровь: опять раскусила губу.

Вот зачем он говорил об истерике. На записи не будет ни пустого шкафа, ни угроз в спальне. Буду я, кричащая в холле, где все привыкли разговаривать вполголоса.

— Я мать! — выкрикнула я. — Я просто хочу поговорить с ребёнком! У охранника над плечом мигала камера. Я постаралась повернуться к ней лицом: пусть хотя бы это тоже попадёт в запись.

Дарья вышла из лифта, застёгивая пальто. Кашемир, тонкие перчатки — я помнила этот комплект по прошлой зиме, мы обсуждали его цену на корпоративе. Тогда она говорила, что копила полгода. Теперь за ней шли двое телохранителей, а руку она держала под округлым животом.

Дарья остановилась в паре метров от меня. Улыбка была сладкой и гадкой, как мед с мышьяком. — Алин, ну что ты делаешь? — её голос звенел в тишине лобби. — Маша спит. Она очень расстроена. Ей нельзя видеть... таких людей. Нервных. Неадекватных.

— Ты сука, — прошипела я. — Дай мне поговорить с Машей. Позвони ей при мне!

Я рванулась вперед, игнорируя боль в плечах. Мои пальцы метнулись к телефону в руке Дарьи. Это была последняя надежда. Пусть хотя бы услышит мой голос. Я покажу, что пришла за ней.

Охранники среагировали мгновенно. Меня скрутили, заломив руки за спину. Боль была оглушающей. Я упала на колени, ударившись коленями о мрамор. Синяки на коже вспыхнули белым жаром.

— Помогите! — крикнула я, глядя на зрителей. — Я ей ничего не сделала! Посмотрите, что они делают!

Но никто не помог. Напротив, кто-то из толпы сказал громко: — Игорь прав. Она действительно опасна.

Жильцы отступили, пропуская Игоря. Я заметила его ботинки раньше лица: он остановился в шаге от моих колен. Посмотрел на Дарью. Она поправила прядь и повернулась к нему так, чтобы он увидел телефон.

Он подошел к Дарье, обнял её за талию, притягивая к себе. Его рука легла на её живот. Публично. Для камер. Для тех, кто потом увидит эти записи.

— Вызовите полицию, — сказал он тихо, но так, чтобы слышали все. — Эта женщина угрожает безопасности резидентов. Она агрессивна. У неё проблемы с головой. Я сам настаиваю на госпитализации.

— Игорь, — выдавила я. — Посмотри на меня. Это же Маша... наша дочь...

— Нет больше никакой нашей дочери, — отрезал он. — Есть моя дочь и новая семья. А ты — бывшая жена, которая потеряла право называться матерью.

Я ждала, что он хоть поправится. «Моя дочь» — это он так от злости, сейчас скажет «наша». Но Игорь наклонился к Дарье и поцеловал её живот. Я открыла рот, не выговорила ничего. Охранник больше меня не держал, а встать я всё равно не могла.

Через двадцать минут приехал участковый. Молодой, нервный парень, который явно не хотел возиться с элитным ЖК. — Гражданка Сорокина, вам лучше уйти добровольно, — сказал он, глядя куда-то в сторону. — Здесь свидетели подтверждают факт агрессии. Видео есть.

— Какое видео? — спросила я. — Где контекст?

Дарья протянула телефон участковому. Экран показывал фрагмент: я кричу и тянусь к её телефону. Звук был усилен. Мой голос звучал монструозно. — Видите? — улыбнулась Дарья. — Она хочет меня убить. Ради ребенка? Нет. Просто ревность.

Участковый покачал головой. — Вам нужно обратиться к врачу. Психиатру. Или мы задержим вас для проверки документов и состояния.

«Проверка состояния» звучало так, будто он уже нашёл причину, по которой меня можно увезти. Я посмотрела на удостоверение участкового и попыталась запомнить фамилию. Не запомнила. От этого испугалась ещё сильнее: как потом объяснить, кто здесь стоял и что говорил?

Я встала. Ноги дрожали. Одна туфля была потеряна, вторую я сняла и оставила у стойки. Жакет был порван на плече. Волосы липли ко лбу; я провела по ним ладонью и только размазала пот.

— Я ухожу, — сказала я тихо.

Охранник отступил и показал на выход. Женщина в бежевом пальто убрала телефон, чтобы я могла пройти, но глаза отвела. Я поблагодарила её — зачем-то. И только у двери поняла, что благодарить было совершенно не за что.

На улице шел дождь. Холодный, московский ноябрьский дождь, смешанный с грязью и реагентами. Я шла к выходу, оставляя за собой мокрые следы. Босиком. По лужам. Я ступала осторожно, высматривая стекло в лужах. Сломанные туфли соседки остались там — вернуть ей было нечего.

За дверями не оказалось даже сухого участка. Я прижалась к стене, пропуская машину; вода из лужи ударила по ногам. Надо вернуться к соседке. Отдать костюм, попросить ещё раз пустить. Я попробовала оттолкнуться от стены, но подождала: воздух всё никак не проходил глубоко в грудь.

Что дальше? У меня ноль на счету. Ключей нет. Телефон разряжен. Дочери нет.

Грохот мотора. Черный внедорожник с тонированными стеклами затормозил прямо напротив меня, перегородив проход. Я инстинктивно отшатнулась, ожидая удара или насмешек. Может, это Игорь решил добить меня?

Задняя дверь открылась. Внутри сидел мужчина. — Виктор Громов, — представился он. — Мы говорили вчера.

Он не улыбался. Я узнала его по старой фотографии отца. Только шрам у виска на том снимке отсутствовал. Виктор посмотрел на мои запястья, потом на окна дома; улыбаться он не пытался.

Виктор молча протянул сухое полотенце и бутылку воды.

Я не взяла. Страх был сильнее жажды. — Чего тебе? — спросила я, чувствуя, как дрожит подбородок.

Виктор чуть повернул голову. Его глаза, серые и пронзительные, изучали мое лицо, синяки, порванный жакет. — Он забрал твою жизнь, Алина, — произнес он низким, бархатым голосом, который резонировал в груди. — Твой дом. Твою репутацию. Твоего ребенка.

— И ты хочешь помочь? — горько усмехнулась я. — За деньги?

— Я хочу дать тебе оружие, — сказал он. — Чтобы вернуть всё обратно. Каждую копейку. Каждую страницу контракта. Каждую минуту, которую он украл у тебя.

— Цена?

Виктор склонился чуть ближе. От его пальто пахло табаком. Он отодвинулся, оставляя мне место у двери. — Цена будет высокой. Тебе придется стать той, кого он боится. Не жертвой. Хищником.

Он ждал. Дождь барабанил по крыше машины. Я смотрела на свои окровавленные пальцы, на грязь под ногтями. Потом на его спокойное, властное лицо.

Он не тянул меня в машину и не говорил, что охрана вернётся. Просто держал полотенце. Я могла дойти до соседки сама — только тогда придётся снова сказать, что без Маши. Я посмотрела на окна пятого этажа и переступила ближе к дверце.

Я медленно взяла полотенце. Сухая ткань царапнула щеку. Я прижала её к лицу и наконец смогла вдохнуть без всхлипа.

— Если это ловушка, — прошептала я, открывая дверь, — я укушу первой.

Виктор усмехнулся. От этого спокойного веселья я насторожилась ещё сильнее. — Жду не дождусь.

В машине дождь сразу стал тише. Я забралась на сиденье, оставив мокрые следы, и потянула полотенце на колени. Виктор передал воду, подождал, пока я сделаю глоток. Я назвала адрес соседки. Он пообещал привезти ноутбук и зарядку, а завтра поговорить без охраны за спиной. — Костюм ей надо вернуть, — сказала я вдруг. — Вернёшь, — ответил он. Я отвернулась к окну, чтобы он не увидел, как меня расклеило от этого простого слова.

Глава 3

В «Сфере» всё осталось на местах, даже кофемашина у стеклянной стены. Раньше я возмущалась, что возле неё всегда шумно и невозможно поговорить с клиентом. Сегодня надеялась на этот шум: Лёша мог сказать мне пару слов так, чтобы охрана не услышала. Одолженная куртка намокла по плечам; я оттянула воротник от шеи и нащупала в кармане старый бейдж.

Я искала Лёшу. Моего бывшего ассистента, парня с добрыми глазами и привычкой соглашаться с тем, кто говорил громче. Если кто-то и знал, куда Игорь перекладывал активы перед разводом, то это был он.

Лёша увидел меня ещё издалека. Я знала это по тому, как он перестал печатать и уставился в одну точку на мониторе. Телефон он перевернул экраном вниз, хотя я ничего ещё не попросила. — Лёша, — я наклонилась к нему. — Это из-за Маши. Мне не дают с ней поговорить. Ей семь лет, она боится темноты. Ты же знаешь, какая она.

Парень вздрогнул так, будто я ударила его по плечу. Медленно, с неестественной плавностью, он повернулся. Лицо у него было серым, как бумага для принтера. Глаза бегали: на охранников у входа, на камеры над головой, на мои руки, вцепившиеся в спинку его стула. — Уходи, Алина Сергеевна, — просипел он. Раньше называл меня просто Алиной, а теперь не знал, куда деть глаза. — Сорокин знает, что ты здесь. Он купил этот бизнес-центр вчера. Всё, что тут есть, теперь принадлежит ему. И тебе. Или лучше сказать — не принадлежит тебе ничего.

Я посмотрела в окно на вывеску центра. Вчера здесь ещё можно было попросить переговорную у знакомого администратора. Игорь купил здание, пока я убеждала соседку, что на её диване мне удобно. Лёша старательно смотрел в свой ноутбук: я поняла, что больше он ничего не скажет.

Я попятилась, спотыкаясь о ножку стола. Шум привлёк внимание. Охранник в черном костюме, тот самый, который обычно улыбался сотрудникам, преградил мне путь к выходу. — Пропуск, гражданочка, — сказал он сухо, глядя поверх моей головы. — Я работала здесь три года, — выпалила я, доставая из кармана старый бейдж. Пластик был потертый, фотография бледная. Я ткнула им в считыватель. Считыватель коротко пискнул. Красный сигнал отказа. — Вы слышали новости? — охранник скривился, словно увидел таракана. — Про нервные срывы жены господина Сорокина. Вам лучше уйти. Сейчас же. Иначе мы будем вынуждены вызвать полицию.

Только позавчера Игорь угрожал полицией у двери спальни. Вчера участковый предложил психиатра. Теперь то же слово произносил охранник, который когда-то заносил мне коробки с образцами. Я держала бейдж в руке и не знала, куда его убрать: показывать его второй раз было унижительно, а уйти без единого ответа — ещё хуже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.